

СТРЕЛЬЦОВА ВИКТОРИЯ

ПЕЧАТЬ  
ЧЕТЫРЁХ  
СТИХИЙ

18+

# Виктория Стрельцова

## Печать Четырёх Стихий

*<https://litres.ru/73922924>*

*SelfPub; 2026*

### Аннотация

Четыре стихии. Два сердца. Одна печать, способная изменить судьбу мира.

В мире, где магия переплетена с древними клятвами, а любовь может стать как спасением, так и гибелью, судьба сводит наследников двух великих королевств.

Когда древняя Печать Четырёх Стихий начинает пробуждаться, принцу Тэреону и принцессе Амелии предстоит сделать выбор между долгом, чувствами и судьбой целого мира.

Драконы возвращаются из легенд, старые тайны выходят на свет, а силы, которые должны были остаться запечатанными навеки, вновь пробуждаются.

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Цикл: Дыхание Стихий              | 5  |
| Пролог. Обсидиановое сердце       | 6  |
| Глава 1. Часть Дыхания            | 10 |
| Глава 2. Корни судьбы             | 36 |
| Глава 3. Зов крови                | 45 |
| Гла                               | 55 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 56 |

# **Виктория Стрельцова**

## **Печать Четырёх Стихий**

# Цикл: Дыхание Стихий

Стрельцова Виктория

Алматы 2026

*Посвящается тем, кто верит в иные миры,  
даже если видел их только во сне.  
Тем, кто любит без оглядки,  
борется без меча и побеждает вопреки.  
Тем, чьи шрамы стали их самой красивой историей.  
Пусть ваша стихия всегда указывает путь **домой**.*

# Пролог. Обсидиановое сердце

*«Среди лепестков, что расцветают в ночи, рождается  
зов,*

*не принадлежащий этому миру.*

*Кто слышит его — тот пробуждает древнее вновь».*

*— Фи́на, Хранительница Равновесия*

Говорят, правители Драуго́на бессмертны. Их сердца — обсидиан, а кровь — золото. Я верил в это пока мой собственный камень не дал трещину.

\* \* \*

*Королевство Драугон. Город Валарра́д. Дворец ДарКса́р.  
400 год после первого вызова печати.*

Ветер нёс первый осенний дождь над вершинами Драко-  
ных гор. Уперевшись длинными пальцами в парапет с изоб-  
ражениями драконов, я стоял на балконе самого высокого  
шпиля в окружении резных крыльев и колонн из чёрного об-  
сидиана. Плащ бился о камень, рубашка расстёгнута у горла  
— жара тяготила, но мысли были далеко. Взгляд ярко-золо-  
того оттенка был устремлён на север, откуда считанные мину-  
ты должен был вернуться брат, чья трёхдневная вылазка из-  
за упрямства коней затянулась на неделю.

— Стоило брать Оникса вместо Грозы́. Она и с турнира не  
успела оправиться, — сощурившись, отметил я, скрещивая  
руки на груди.

Тишину нарушил лёгкий стук в дверь и шелест мягких шагов. Асо́и — молодая горничная, назначенная в мои покои несколько недель назад. Её облик был почти театральным: тонкие пальцы, изящный наклон головы, чёрные локоны, спадающие на плечи — всё в ней было выверено. В платье серо-голубого цвета, подчёркивающим фигуру, она походила не столько на горничную, сколько на гостью бала.

— Ваше Высочество, мне поручили принести вам новые перчатки для полётов. Но я могу помочь и с чем-то ещё... если пожелаете.

Она подошла ближе, задержавшись рядом со мной дольше, чем было необходимо. В её руках лежала аккуратная бархатная коробочка. Асои приоткрыла её и протянула руку, будто собираясь вложить перчатки прямо мне в ладонь и позволив пальцам соприкоснуться. В этот момент я резко, хотя и не грубо, перехватил перчатки, обрывая её планы. В моих движениях не было злости, лишь отчётливое «нет».

— *Сколько раз ей ещё нужно объяснить?* — устало подумал я, делая шаг в сторону. — *Зачем так близко подходить? Думает, что взгляд или кивок — это приглашение?*

— Я рядом, если что-то понадобится или если просто захочется

Девушка стояла в нерешительности ещё пару секунд, затем отступила и неслышно вышла; дверь за ней закрылась мягко, будто сама не решилась хлопнуть.

Я наконец выдохнул. Пустота в людях раздражала меня

сильнее, чем проигранный бой. Я давно знал, кто мне нужен рядом. И это была не она. К счастью, я видел горничную редко: с самого начала дал понять, что не позволю приставить ко мне личную прислугу, которая будет следовать за мной как тень. Мне хватало и собственных мыслей, чтобы чувствовать себя в осаде.

Через пару минут двери из чёрного дерева отворились вновь. В проёме появился Райарн — один из надёжных воинов королевской стражи. Высокий, в серебряных доспехах с чеканной чешуёй, с чёрным плащом на плече и брошью в виде когтя — древнего символа Драгона, основанного более тысячи лет назад моим предком, королём Рионом. На поясе — двуручный меч, положенный тем, кто охраняет не только корону, но и семью.

— Ваше Высочество, — голос Райарна прозвучал по-военному четко, но я уловил в этой сухости скрытый резонанс. — Мы нашли её.

Я резко обернулся и ветер сорвав воротник рубашки, поднял его к лицу, желая скрыть внезапный жар, вспыхнувший под кожей.

— Где?

— В Храме богини Фины, Ваше Высочество. Она ухаживает за алтарём, поёт в ритуалах пробуждения. Донесение разведки однозначно: это та, кого мы искали.

Я молча опустил взгляд на ладонь. Метка на коже вспыхнула золотом — ярче, чем прежде, словно отзывалась на



имя, которого я ещё не знал.

— Имя.

— Амелия Флоретийская, пр.

— Достаточно. Подготовь Вёрона. Я поеду сам. И проследи, чтобы Эмир не устроил драмы в моё отсутствие.

Я в последний раз задержал взгляд на хвойном лесу. Где-то там, вдали, была та, с кем меня уже связала судьба. И на мгновение небо тихо озарилось вспышкой четырёх цветов — словно дыхание самих стихий.

Мрамор гулко откликался на мои шаги, пока я стремительно спускался по винтовой лестнице. В груди бился драконий пульс — зов в самих венах, заставлявший метку пульсировать в унисон с сердцем. Холодный металл наплечников тускло отблескивал в полумраке, а в воздухе медленно разлился знакомый с детства аромат дыма и мёда. На нижнем ярусе пространство сгустилось, как перед грозой, но стоило мне ступить в сводчатый коридор, как за спиной, подобно удару клинка о щит, раздался властный, до боли знакомый голос.

— Принц Тэреон. Прошу, остановитесь.

# Глава 1. Часть Дыхания

*«Когда Стихии Дышали Вместе».*

*Когда-то мир дышал ровно.*

С каждым вздохом рассвета, с каждой дрожью земли четыре первородных пели в унисон, создавая гармонию — дыхание жизни.

Аларис, Дракон Огня, был раскалённым сердцем мира. Его пламя ковало волю и мужество, питая жизнь светом, а врагов — карающим гневом.

Сия, Драконица Воды, текла сквозь века, омывая раны прошлого. В её глубинах рождались зеркала, отражавшие истинную суть вещей.

Ария наполняла мир музыкой ветров. Её дыхание дарило свободу от тяжести мыслей, возрождая надломленные сердца.

Тэррон, Дракон Земли, закладывал основу. Там, где он замирал, вырастали города, а там, где дышал — расцветали леса.

Они были четырьмя струнами одного инструмента. Их гармония держалась не на власти, а на согласии равных стражей. Но равенство — хрупкая ткань, и на границе веков оно было разорвано. Говорят, всё началось с человеческого выбора: сердце одного из древних медленно и неотвратимо потянулось к людям. В их судьбах, в их страхах, клятвах он

увидел то, чего не было даже в песнях стихий.

Когда единство дало трещину, вспыхнула первая война. Смертный король Флорэтии и правительница Гор в отчаянной попытке спасти народы совершили ритуал Печати. Они хотели сковать хаос в круге равновесия, но в момент закрытия один из древних не подчинился. Его сила осталась незапертой, обратившись в голос, шепчущий в снах его потомков.

*«Когда тень пламени коснётся сердца воды,*

*Когда камень дрогнет от дыхания ветра —*

*Тогда круг распадётся вновь.*

*И только те, кто помнит пепел, смогут удержать свет».*

Спустя четыре сотни лет Печать дрожит. Стихии снова дышат, но уже не в лад, и то, что должно было стать новой эпохой, теперь грозит стать её последним вздохом.

Пока одни ищут любовь, другие зовут силу. Пока короны сверкают, мечи затачиваются в тени, а тот, кто первым разорвал круг, ждёт. В чьих снах он появится сегодня? В чьей крови заговорит завтра? Станет ли древнее дыхание жизнью... или оно поглотит мир, превратив его в ничто?

\* \* \*

*Королевство Флоретия. Город Лиэстэрия. Дворец Альмерийн. 400 год после первого вызова печати.*

Я проснулась резко, с ощущением, будто воздух в лёгких обернулся огнём. Аромат цветов, казавшийся всегда утешением, сегодня был удушлив. Лоб был мокрым от пота, а серд-

це грохотало в груди, как запертый зверь.

Во сне пылал мой сад; цветы опадали чёрным пеплом. Над ним кружил силуэт — чёрный, бесформенный, как сама ночь, а у статуи Фины, богини доблести, справедливости и мужества, стоял мужчина. Высокий, статный, с волосами цвета воронова крыла и ослепительно яркими глазами.

Всё ещё вспоминая сон, я не заметила, как дверь скрипнула.

— Всё хорошо? — тихо спросила девушка, прерывая мои размышления.

— С каждым сном он всё яснее. В этот раз я почти услышала имя: Тэ

На миг Хризалия замерла, тревожная тень скользнула по её лицу. Девушка прищурилась, обвела меня взглядом и в лучших традициях сестёр, которым скучно и слишком рано для серьёзных разговоров, склонила голову набок:

— «Тэ»? Тэфан? Тэрнандо? Или он хотел сказать: «Тэбя, Амелия, я заберу в подземелье»?

— Хри

— Нет-нет, погоди! Может, это предупреждение? «Тэ» — как «Тэбе крышка!»

— Хризалия! — рассмеялась я, швырнув в неё подушкой.

— Что? — она увернулась и, уже направляясь ко мне, проворчала: — Если окажется, что он красив, зови меня, я помогу допросить его! А если серьёзно, что будешь делать?

— А что мне делать? Искать его самой? Отправить шпи-

онов?

— Ами, только тебе решать, но моё предчувствие говорит: тебе нужно найти его. И как можно скорее. Неважно как... хоть Сифоса отправь.

Я фыркнула. Мы обе знали: Сифос — мой страж — не оставит меня ни на миг, а уж надолго — тем более. Мы обе засмеялись, по-настоящему; смех будто сорвал с плеч покрывало сна и страха.

— Я найду его, а теперь иди. Гонцы скоро придут.

— И пока не прибежали Анстэзия с Фризой.

— Это их работа. Будь благосклонней, — поддразнила я её и босиком исчезла за дверью в ванную.

— «Будь благосклонней» ... — пробормотала Хризалия и с драматичным вздохом накрылась лёгким одеялом.

Я улыбнулась, но где-то внутри дрожал жар — не сна, не страха. Предчувствия, что осталось в моей крови.

Закрыв за собой дверь ванной, я оставила комнату и тревоги позади. Внутри были только тишина и лёгкий запах жасмина и мёда. Подойдя к высокому серебряному зеркалу я посмотрела в своё отражение: Лоб блестел от пота, в светло-голубых глазах застыла тревога. За зрачками пульсировала чужая искра.

— Тэ...мён? Нет... Тэар? Тэрон?

Отражение на долю секунды дрогнуло, но я это точно видела. Зрачки стали чуть уже, а в глубине глаз мелькнул отблеск золота.

— Тэ... Но всё же... кто ты?

В зеркале, на уровне моих губ, будто проступила едва заметная тень улыбки, не принадлежавшая мне. В тот же миг я ощутила, как по коже пробежал холодок, будто кто-то прошептал моё имя так близко, что дыхание обожгло ухо:

— *Амелия.*

Я обернулась, но за спиной никого не было. Только холод, жасмин и моё отражение, которое теперь смотрело на меня с лёгким укором, словно знало больше, чем я.

— Кто ты? Почему я тебя чувствую?

В этот момент дверь распахнулась.

— Ваше Высочество, пора приводить себя в порядок! — заявила громким, звонким и немного писклявым голосом Анстезия.

Горничная уже стояла в дверях с подносом украшений, лент и маленьких флаконов. За её спиной были разложены платья разной степени вычурности: одни богато украшены изумрудами, сапфирами и рубинами, другие — простыми золотыми и серебряными вышивками в виде виноградной лозы и плюща.

— Я почти закончила.

Комната встретила нас тишиной — Хризалии не оказалось. Анстезия хлопотала над моими волосами, вплетая жемчужные нити, пока я, словно гостя в собственном утре, наблюдала, как на мне струится лёгкое золотое платье, сотканное будто из первого солнечного луча. На подоле цвели

серебряные лозы, а корсет украшали нежные розы, перенесенные на шёлк искусными мастерами Флоретии. Из предложенных украшений я выбрала серьги с каплями цитрина — они сияли, как застывший мед, отражая теплое утро.

В коридоре нас ждали мама и сестра. Королева Мёнфиса в лазури и серебре смотрела на нас с тихой гордостью. Хризалия же практически заставила Фризу лишь наблюдать, как сама собирает волосы: быстро, без расчёта на идеальный вид, будто не волосы, а мысли ей мешали. На ней было платье цвета васильков с серебристой вышивкой, напоминающей морозный узор, а на пальце поблескивало кольцо с нашей детской гравировкой — знак нашего общего секрета.

— Вы опаздываете, — напомнила мама, поворачиваясь к нам.

— Доброе утро, — сказала я, подходя ближе.

— Ты хорошо спала?

Я ответила не сразу, и сестра взглянула на меня внимательнее.

— Она опять видела его.

Мама нахмурилась, но ничего не сказала.

— Обо всём — после. Сейчас — завтрак, пока он ещё не остыл, а придворные не начали пересуды.

Мы зашагали по ковру сквозь длинный коридор, где солнечные зайчики танцевали на стекле, отражаясь в полированных панелях, будто пытались передать утреннее волнение. Зал для трапезы был залит мягким сиянием витражей.

Запах свежего хлеба с лавандовым мёдом и лепесткового варенья наполнял пространство уютом, который, казалось, не могли потревожить даже мрачные предсказания.

Мы расселись за столом: мама, папа, Хризалия и я. Король Джэрред привычно изучал утренние указы, попивая горячий цветочный чай — из цветов, выращенных в тайной части моего сада. Служанки заканчивали сервировку, и хотя нас было четверо, серебряные блюда и фаянсовые подносы ломались от изобилия.

— Мы просили меньше... — начала было Хризалия, но одна из служанок подошла чуть ближе и обратилась к нам извиняющимся шёпотом.

— Простите, принцесса... это всё Мерисса. Она хотела показать вам, чему научилась у нового кулинарного мастера из королевства Териннос...

— Ещё один? — спросила мама, поднимая брови. — Девочки, дайте шанс Мериссе продемонстрировать, что она умеет. Гордитесь тем, что у вас всё есть.

— Что ж, — сказала я, поднимая чашку чая, — попробуем, чему она научилась.

Я лишь успела поднести чашку к губам, как в зал вошёл гонец в форме с фиолетовой вышивкой герба Флоретии — цветком пиона на фоне солнца.

— Ваши Величества, Ваши Высочества, — он низко поклонился. — Только что доставлен новый список гостей, выразивших желание прибыть на предстоящий бал.



Король отложил чашку, взял свиток и развернул его. Мы продолжали трапезу, не обращая особого внимания, пока его брови не взлетели вверх.

— Вот это неожиданность

Королева подняла голову, глядя на мужа.

— Что-то важное?

Он молча передал свиток ей. Мама, пробежав глазами первые строки, замерла, затем отложила вилку и аккуратно протянула список Хризалии, которая уже придвинулась ближе.

— Королевство Драугон Без указания имён.

— Вальтáрис... Мы с ними не поддерживаем отношения, — тихо сказал папа, вновь беря чашку. — С момента, как их Совет разорвал соглашения более двадцати лет назад, у нас не было даже дипломатического обмена. На момент расторжения договора в Драугоне правили король Эдгар с супругой — королевой Сирéной. У них был сын, Турэн, или Гáрен, уже не вспомню.

— Но теперь они хотят явиться на бал — подала голос мама.

Я почувствовала, как сердце пропустило удар. Где-то внутри, в тени сна, снова прозвучало имя. Я не знала, кто он. Но всё внутри будто отозвалось.

— Можно мне взглянуть?

Отец кивнул. Я взглянула на список и там действительно было только: «Королевство Драугон — четыре представите-

ля и семь членов королевской семьи Вальтарис». Без званий. Без имён. Без пояснений. В этот момент из бокового входа, вошёл Сифос.

— Простите за вторжение, Ваше Величество, прибыла первая карета. От королевства Драугон — первые четыре представителя.

Все замерли. Отец встал, надевая корону.

— Кажется, наш бал начинается раньше, чем мы думали.

Из-под арки центральных ворот донёсся скрежет колёс. Карета цвета обсидиана медленно выкатывалась по гравийной дорожке, оставляя за собой едва заметный след в утренней дымке. Четверо всадников сопровождали экипаж, неся герб Драугона — резной силуэт дракона, охватывающего круг стихий.

Я стояла у ворот дворца вместе с Хризалией, пока король с королевой замерли чуть впереди, там, где уже выстроилась почётная стража.

— Они прибыли без флагов приветствия, — заметил папа, прищурившись. — Только символ Драугона. Ни королевского знамени, ни знаков примирения.

— Значит, не дружеский визит, но и не открытая угроза, — добавила Хризалия почти шёпотом.

Карета остановилась, дверь распахнулась, и первым на землю ступил мужчина средних лет с угольно-чёрными волосами, убранными в плетёный хвост, и глазами, будто выточенными из полированной стали. В его мантии угадывал-

ся авторитет: ткани строгих форм, с незаметной золотой вышивкой по краю.

— Синон, главный советник короля Эдгара, — тихо сказал отец. — Запоминайте: Синон — хитроумный стратег, всегда видит на два хода вперёд. Даже когда всё спокойно, он говорит мало и только по делу.

Следом на землю ступила женщина с распущенными вьющимися каштановыми волосами. Платье сложной конструкции струилось по ней, а на груди сияла золотая брошь в форме цветка, подозрительно похожая на эмблему Флоретии.

— Лилия, советница королевы Сирены. — серьёзно произнесла мама. — Она родом отсюда, знает наши законы и традиции. В пятнадцать лет уехала с родителями в Драугон; мы раньше были хорошо знакомы.

— Неудивительно, что мы не поддерживали связей столько лет, а они прислали сразу лучших, — прошептала Хризалия.

— Или худших, — отозвалась я.

Из кареты вышел третий — мужчина с длинными платиновыми волосами.

— Фирграэрёз, представитель внешней дипломатии. Сдержан, вежлив до ледяного спокойствия, но, если выведен из себя — опасен как стихийное проклятие, — произнёс король, нахмурившись. — По слухам, он был изгнан много лет назад или нет?

Последней из кареты вышла высокая девушка, а точнее —

эльфийка. Стройная, с фарфоровой кожей и серебристо-лавандовыми волосами, убранными назад, — этот цвет достался ей по наследству от отца. Один её глаз был светло-голубым, а второй — зелёным, как молодая хвоя в лесах Ульдар, что простирались вблизи дворца ДарКсар.

Одета она была в элегантное платье из ткани, похожей на живой пергамент: по нему бежали мелкие символы, менявшиеся в зависимости от мыслей и чувств хозяйки. Её высокий воротник в форме свитка был расшит тончайшими серебряными узорами — символами королевства Флоретия, из которого она была родом.

— Аэлия — прошептала я, чувствуя, как лёгкий ветер коснулся щёк.

— Легендарная Хронистка, — добавила сестра, подходя ближе.

— Она прибыла не ради нас, — заметила мама. — Её цель — отец.

— Тинтельвинд, — кивнул папа. — Пожалуй, он единственный, кто может говорить с ней на равных.

В этот момент стражник в холле провозгласил на весь коридор:

— Делегация из Драугона прибыла!

Отец, уже развернувшись к дверям дворца, подзывал приближённых.

— Говорите аккуратно, продумывайте каждую фразу, — сказала мама, глядя на нас. — Сегодняшний день может

стать началом новой главы или последней строкой старой.

Я всё ещё смотрела вперёд, на четвёрку фигур у входа. И вдруг ощутила взгляд — мимолётный, но словно скользнувший по самой коже. Аэлия смотрела прямо на меня, и в её разноцветных глазах плескалось само время.

Зал Совета Флоретии возвышался, подобно храму решенный, где купол в форме раскрытого лепестка венчали символы стихий и медальоны Великих Домов, окружающие знак единства. Сквозь изумрудные окна мягкий свет падал на малахитовый ковёр и древний круглый стол, чьи прожилки, по легенде, вспыхивали от дыхания истины. Тяжелые кресла советников и скамьи для гостей утопали в густой тени бархатных драпировок, создавая атмосферу сакрального величия.

Воздух здесь оставался тихим даже в разгар споров, храня клятвы прежних монархов, выгравированные на языке королевской крови. Люстра из стекла и бронзы лишь подчеркивала весомую торжественность места, где цена каждого слова была неимоверно высока. Здесь царила истина, ибо лгать под сводами, помнящими древние заветы, было невозможно.

В зале уже находились советник отца — Норифам, советница мамы — Айларин и международный дипломат Палладий. Они стояли, встречая гостей. Хронист Тинтельвинд занял место у стены, а рядом с ним — Аэлия. Они почти не смотрели друг на друга, но тонкая игра взглядов скользила между ними, как волны в пруду: тихо, глубоко, полнясь ста-

рыми воспоминаниями и догадками.

— Добро пожаловать, — первым заговорил Норифам, и его голос слегка дрожал, будто он опасался, что каждое слово может стать ловушкой. — Мы признательны, что вы были лично.

Синон склонил голову ровно настолько, насколько требовал этикет, и ни на градус больше. Его глаза скользнули по залу, фиксируя каждую деталь.

— Драугон счёл необходимым проявить уважение. Учитывая важность предстоящего события.

— Бал? — Айларин усмехнулась, даже не пытаясь скрыть насмешку. — Или праздник в честь дня осеннего равноденствия? Уточните, чтобы мы знали, к чему готовиться.

— Бал — лишь формальность, — голос Синона оставался ровным, холодным. — Мы здесь ради новой эры. Король Эдгар выразил желание восстановить торговые и военные соглашения. А также, разумеется, возобновить обмен культурным наследием.

Палладий приподнял бровь, и его губы сложились в вежливую, почти заискивающую улыбку.

— Интересно, что вы заговорили об этом лишь спустя двадцать лет после того, как сами же расторгли все договорённости. Неужели память так быстро угасает в Драугоне?

— Иногда прошлое нужно отпустить, чтобы создать что-то новое, — Фирграэроз говорил медленно, отмеряя каждое слово. — Иначе оно поглотит настоящее. Вы не находите?

Он не ждал ответа. Просто замолчал, и его тишина оказалась красноречивее любых аргументов. Слышался лишь лёгкий шелест «живой» ткани Аэлии, когда она пошевелилась. Тинтельвинд почти незаметно качнул головой, словно отвечая на мысленный вопрос дочери.

Палладий первым нарушил молчание — его голос стал мягче, почти вкрадчивым.

— Мы будем рады видеть королевскую семью Драугона на балу. Но давайте проясним: вы прибыли только ради возобновления старых бумаг? Или есть иные предложения?

Синон ответил не сразу. Он потянулся к внутреннему карману камзола и достал запечатанный конверт с гербом дома Вальтарис.

— Это письмо от короля Эдгара. Оно адресовано лично вам, король Джарред. — Синон положил конверт на стол и слегка отодвинулся, давая пространство. — Нам велено передать его без посредников. Его Величество рекомендует ознакомиться с содержанием до начала бала.

— Норифам, передайте мне письмо, — спокойно произнёс Джарред, восседая во главе стола.

Норифам подскочил, едва не опрокинув стул. Его пальцы дрожали, когда он брал конверт, но он справился и, низко поклонившись, передал письмо королю.

— Это угроза? — Айларин даже не скрывала презрения, сверля Синона взглядом.

— Это предложение, — мягко ответила Лилия. — Или,

если угодно, шанс. Смотря как посмотреть.

Джарред развернул письмо, пробежал глазами первые строки. Его лицо не дрогнуло.

— Я ознакомлюсь с письмом сегодня же. А пока — наслаждайтесь гостеприимством Альмерина. Ситуация может измениться в любой момент, особенно когда речь идёт о дыхании стихий.

— Одно дыхание — много голосов, — пробормотала Аэлия в пустоту и только Тинтельвинд под столом крепко сжал пальцы в кулак.

Когда двери снова распахнулись, в зал вошла королева Менфиса. Следом за ней шёл генерал дворцовой стражи — Ренна́в Астреллор, а замыкали шествие мы с Хризалией. Отец выглядел предельно собранным: волосы убраны назад, в глазах читалась острота, накопленная за годы дипломатии и сдержанной ярости. На столе всё ещё лежало письмо с печатью дракона, оставленное послами.

Менфиса медленно провела пальцами по краю пергамента и произнесла, не глядя на советников:

— Вы говорите, они не упомянули ни брака, ни союза?

— Ни слова, Ваше Величество, — ответил Норифам. — Они заявили, что цель визита — «обмен культурной информацией, торговые и военные соглашения». Но мы предполагаем, что их также интересует доступ к архиву хронистов.

— К архиву? Почему теперь? Десятилетиями никто из Драгона не интересовался нашей историей.



Айларин заговорила, как всегда мягко, но с острыми акцентами:

— Перед уходом их посол обронил: «Некоторые знания спят, пока не дрожит печать». Думаю, речь может идти о Печати Четырёх Стихий. Они что-то ищут.

Джарред резко поднял голову:

— Значит, они знают. Или догадываются. Четыре сотни лет молчания, и теперь — архивы, хронисты, древние тексты. Ни слова о союзе, но... приезд Аэлии, одной из самых уважаемых Хранительниц памяти Драугона, говорит сам за себя.

Тинтельвинд стоял неподалеку, словно вырезанный из мифического материала — не совсем из плоти, не совсем из света. Несмотря на почтенный возраст, он выглядел максимум на пятьдесят, если не моложе: ни единой морщинки не омрачало его лицо. В облике хрониста чувствовалась неподвластная времени аристократическая точность черт. Лицо обрамляла аккуратная серебристо-белая борода, а длинные волосы спадали потоками утреннего тумана в светло-сиреневых тонах. В присутствии Тинтельвинда хотелось говорить только истину или покорно молчать.

Хронист впервые за долгое время подал голос; он явно не был счастлив после встречи с дочерью:

— Она избегала взгляда. Что бы они ни искали — она знает, что это опасно. И знает, что мы не должны узнать об этом слишком рано.

— Думаешь, это драконы? — тихо и холодно, как ледяной дождь, прошептала Менфиса.

Джарред опустилсся в кресло и медленно разломал печать, пока глаза скользили по строчкам письма, зрачки сужались.

— «Не открывать двери, если не знаете, кто стоит за ними», — процитировал он. — Это не дипломатия. Это — угроза. Пока послы наслаждаются гостеприимством, ни одна из принцесс не должна контактировать с ними без сопровождения. Тинт, проанализируй их фразы — ищи ключи.

— И что вы прикажете, если они действительно ищут способы открыть печать? — тихо добавила Айларин, опасаясь, что их могут подслушать.

Король остановился и быстро обвёл взглядом сначала свою королеву, затем хрониста.

— Она уже треснула, Айларин. Мы должны действовать на опережение и если придётся, отрыть её сами, на своих условиях. А пока — все свободны.

Позже вечером стук моих каблуков по мраморному полу гулким эхом разносился в полумраке, пока я спешила по коридору к Залу Хроник. Тонкий шёлк платья тихо колыхался в такт моим шагам, а пальцы судорожно сжимали свиток, оставленный сестрой.

— *Спроси у Тинта. Он знал хроники до падения Печати,* — говорилось в приписке.

Дверь в зал была приоткрыта. Я уже подняла руку, чтобы постучать, но изнутри донёсся голос. Хронистка из Драуго-

на, старая, но выглядящая юной эльфийкой, говорила с отцом.

— Хризалия, младшая... Она не осознаёт до конца, кто она, — голос Аэлии звучал тихо, как шелест страниц. — Но дыхание земли в ней глубокое. Почти первородное.

— Ты говоришь о ней как о носителе? — Тинтельвинд произнёс это с осторожностью, словно боялся, что стены его предадут.

— Она — кровь Тэррона, я чувствую это. Он оставил след. Не напрямую, возможно, через поколения Но это дыхание древнего духа, не сомневайся. Девочка станет либо ключом, либо замком.

— Значит, двое из одного рода Это опаснее, чем я думал.

— Особенно теперь, когда Амелия тянется к тому, кто связан с той же линией. Это не совпадение.

Я затаила дыхание.

— *Разве Аэлия не уехала пару часов назад? Двое из одного рода?*

Тишина продлилась всего пару мгновений, и Аэлия продолжила чуть тише:

— Не дай ей узнать. Ещё не время. Если она узнает о связи между Хризалией и Тэрроном её чувства запутаются. А они уже нужны ему.

— Аларису?

— Или кому-то хуже. Древнее дыхание... оно слушает и ждёт.

У меня сжалось горло. Отпрянув от двери, я даже не подумала войти. Шёлк платья скользнул по дереву, сердце оглушительно билось. Я пришла за ответами, но получила лишь страх.

— *Бежать, быстро, мне нужно бежать отсюда.* — пульсировало в мыслях.

Я растворялась в тенях мозаичных витражей, где отражения теперь казались страшнее самой реальности.

Рассвет едва коснулся высоких шпилей, окрашивая стены дворца в бледное золото. Вокруг царила тишина, и я шла по холодным коридорам, плотнее прижимая к себе легкую накидку. Никто ещё не проснулся.

Только тень в моей голове не давала покоя после сна: чёрный силуэт над садом, статуя Фины в пепле и мужчина с золотыми глазами. В этот раз он подошел ближе, протягивая мне руку, и его взгляд жег сильнее солнца.

Комната хрониста находилась в восточном крыле. Лишь полоска света в дверной щели указывала, что хозяин уже не спит. Я осторожно постучала.

— Входи, дитя, — раздался спокойный голос Тинтельвинда, которого мы с детства называли просто Тинт — мягко, по-родному. — Я слышал твои шаги ещё до того, как ты коснулась двери.

Хронист сидел за рабочим столом в полумраке; лишь тонкий луч солнца проникал сквозь витражи, разливаясь по древним свиткам и его ладоням. Я прошла в комнату и при-

села на скамью у окна. Несколько мгновений мы молчали — я собиралась с духом, а он терпеливо ждал.

— Я снова видела его. Во сне. Он стоит у статуи Фины. Чёрные волосы, глаза, будто сотканы из света. Я слышу одно и то же: «Тэ» — и больше ничего.

— Ты говорила с родителями об этом?

— Да, однажды Я хотела. Но вчера послы, двор, совет... Всё закрутилось. Я не знаю, известно ли им это имя, но ты ведь знаешь. Знаешь, кто он. Я это чувствую.

— Принцесса иногда сон — это просто сон. А иногда — нечто большее. Но сны, которые приносят имена, почти никогда не бывают случайными.

— Значит, он реален?

— Тэ Возможно, это древнее имя. Старое, как сам мир. Или слишком молодое, чтобы принадлежать простому человеку.

— Но я видела его. Он молод. Высок. Такой настоящий.

— Бывает и так. Истории стираются, но имена остаются. Прошрое и настоящее порой сплетаются особенно для тех, кто слышит дыхание стихий.

— Это всё, что ты можешь сказать? Мне страшно и я не понимаю, что делать.

Тинтельвинд медленно подошёл и сел напротив, глядя мне прямо в глаза.

— Ты должна сама найти ответ, Амелия. Иногда судьба не нуждается в помощи взрослых. Она выбирает и ждёт, когда

ты сделаешь шаг ей навстречу.

Мы просидели в тишине несколько минут. Где-то внизу зазвенели первые колокольчики, возвещая о пробуждении дворца.

— Спасибо. Но, если ты всё же вспомнишь или узнаешь, кто он... скажи мне. Пожалуйста.

Когда за мной мягко закрылась дверь, Тинтельвинд остался в тишине, опершись локтями на массивный дубовый стол. Тени от витражей стекали по полу, точно призрачные потоки воды. Он смотрел на дверь, за которой я скрылась, прислушиваясь, достаточно ли далеко я ушла, и тихо произнёс:

— Моя маленькая, хрупкая девочка, что несёт на плечах больше, чем должна... Какие же испытания подготовила тебе судьба? Помоги ей, Тэреон. Ты ей нужен.

Затем он медленно поднялся. Его шаги — тихие, отточенные, почти танец привычки — увели его к дальней полке за резную ширму. Там, под несколькими слоями материи и охранных чар, хранилась она: Первая книга пророчеств. Переплёт из чёрной кожи был обтянут нитями серебра. На обложке — четыре круга, сплетённые в один, а внутри каждого символ: пламя, вода, ветер и земля. На ощупь книга была тёплой, будто дышала. Он осторожно развернул страницы, как будто боялся разбудить того, кто спит внутри. Строки на старом языке пульсировали еле заметным свечением, но лишь одна страница сияла чуть ярче остальных. Тинт чувствовал это. Чувствовал давно и знал, что однажды она от-

кроется сама и этот день пришёл. Он остановился. Вдохнул. И прочёл:

*«Когда ночь уронит своё чёрное веко на лепестки Амелии,  
Принцесса, носящая имя золотой крови, увидит огонь во  
сне,*

*И имя её суженого будет шептать пепел.*

*К стражу Времени с вопросом обратится она,*

*А тот скроет дрожь в своих руках.*

*Так начнётся восстание дыхания,*

*И Печать дрогнет дважды.*

*И имя, что было сплетено из света и тьмы, вновь оживёт: Тэреон.*

*Она — его судьба. Он — её свет. Но одна любовь обернётся войной четырёх».*

Тинтельвинд медленно провёл пальцами по строчкам. Сердце глухо стучало в груди. Ни один хронист, даже он, не верил до конца, что пророчество исполнится так буквально. Он был готов ко всему — к политическим интригам, к падению стен, к возвращению драконов на его земли — но не к этому. Тинт ощущал, как кожа на руках покрывается мурашками. В этих строках таилось не просто предсказание, в них звенело предупреждение. Всё уже началось. И та, кого он держал на руках в день её рождения, теперь стояла на самом краю бездны.

Хронист тяжело опустился в кресло и закрыл глаза, позволив себе один-единственный глубокий вдох. Не как Хра-

нитель Знаний, а как старик, который слишком много видел и слишком мало мог изменить. Книга дрожала в его руках. Или это дрожали его собственные пальцы.

— Прости меня, дитя. Я знал и всё равно молчал. А теперь даже время нам не союзник.

Сад ещё дышал утренней прохладой. Я медленно вышла на центральную аллею, где лепестки белоснежных глициний падали на камни, словно мягкий, беззвучный дождь.

За поворотом, в расцветающем саду, сидела Хризалия. В тонком платье цвета стебля молодой розы она казалась естественным продолжением этого сада. Сестра сидела на скамье у фонтана, окружённая стайкой оживлённых девушек. Их звонкие голоса переливались, сплетаясь с утренним ветром, но стоило мне сделать шаг вперёд, как смех мгновенно оборвался.

Младшие придворные и служанки неловко склонились в поклонах и почти врассыпную бросились прочь по дорожкам, словно я была не принцессой, а внезапно набежавшей грозовой тучей. У фонтана остались только две родные мне фигуры.

— Ами! — воскликнула вдруг Афэлия, и в следующий миг меня объяли тонкие, но крепкие руки.

— Ты здесь... ты правда здесь... — прошептала я, обнимая подругу в ответ и с трудом сдерживая облегчённую улыбку.

— Мы только вернулись, точнее этой ночью, — вмешалась в наши объятия Шель, фрейлина Хризалии и наша об-



щая близкая подруга. — Горничные умоляли нас отдохнуть, но Афелия упрямо настояла: «Сначала — к принцессам!».

— Ты думаешь, я смогла бы уснуть, зная, что ты бродишь где-то в этом же саду и не ведаешь о моём возвращении? — усмехнулась черноволосая девушка, отступая на шаг, чтобы разглядеть меня. — Ты стала ещё красивее. Волосы блестят, как горячий шоколад на солнце.

— А ты всё так же преувеличиваешь. Рассказывайте. Где вы были? Что видели?

— В королевствах Реймáрия и Тарнэль, добрались до ледяных земель Нёлара — и не спрашивай как! Мы живы, и слава богине. Афелия чуть не устроила дуэль с местным купцом за то, что он неправильно подал чай.

— Он назвал тебя «служгой с жемчугом», Шель! Я защищала честь фрейлины принцессы Флоретии!

— Признаться, без вас было непривычно тихо. Но всё же, каковы истинные причины столь бурного возвращения?

— Судьба. Или почти судьба. Ами... я кое-что сделала. Я ощутила, как внутри что-то ёкнуло. В такие моменты рядом с Афелией лучше заранее за что-нибудь крепко держаться.

— Я рассказала о тебе принцу Арвэну Сёлланду из Реймáрии. Он был сражён.

— Что именно ты рассказала?

— Только правду! Что ты умна, добра, справедлива и до сих пор не обручена. А потом он спросил, может ли приехать

на бал, чтобы узнать тебя поближе.

— Он придет?! Почему ты не рассказала мне по дороге? У нас было столько времени!

— Конечно, придет. И с подарками! У него, между прочим, личный скакун, похожий на золотую статую. Но главное — его глаза: в них будто отражается ночной океан под лунным светом. Он сильный, властный... Ему, кстати, недавно исполнилось двадцать четыре, мы как раз успели на бал в честь его именин.

Мы с Хризалией переглянулись — один краткий, полный смысла взгляд. Сестра знала. О снах. О Тэ И эта новость от Афелии лишь усилила нашу общую тревогу.

— *Я ведь вижу его. Каждую ночь. Я чувствую, будто знаю его.* — мысленно тараторила я, пытаюсь не выдать себя подругам.

— Ты молчишь. Ты не против? Или кто-то уже успел украсть твоё сердце?

— Нет я просто Это неожиданно. Правда. Но бал всё расставит по местам.

— Если что — я рядом, — мягко проговорила Хризалия, становясь плечом к плечу со мной.

— Я тоже, — поддержала Шель. — И не переживай. Даже если он, красив как бог, ты можешь прогнать его одним лишь взглядом.

— Особенно если он начнёт красоваться богатствами отца.

Они смеялись, но я всё сильнее ощущала холод в груди. Я должна была им всё рассказать, но не могла. В самом сердце, перекрывая звонкий смех, звучал голос:

— *Ты уже выбрана. Ты — часть дыхания.*

## Глава 2. Корни судьбы

*«Ты — не только плод своей страны, но и корень,  
что спит в почве другого мира.*

*Прими в себе и грязь, и золото,  
иначе шаги твои треснут на первом камне».*

*— Тэррон, Дракон Земли*

*Королевство Драугон. Город Валаррад. Дворец ДарКсар.  
Конец июля 392 год после первого вызова печати. Воспоми-  
нание Тэреона.*

Воздух над скалами был колючим, будто дракон царапал небо, но арена внутри южного двора ДарКсара всё равно пылала от ударов деревянных мечей, грохота шагов и громового голоса преподавателя:

— Щит держи как волю, а не как поднос! — рявкнул Дразэгиас, высокий мускулистый мужчина с длинными русыми волосами и бородой, заплетёнными в косы. Он оглядывал двух соревнующихся с таким выражением, будто выбирал, кого из них легче утопить в фонтане. — Если руку унесёт в бою, я вам новую не вырежу.

Я был тогда почти на голову выше Эмира, хоть разница в возрасте и составляла всего полтора года, но младший брат компенсировал рост взрывным характером, доставшимся ему от отца и сильно контрастирующим с его внешностью. Эмир внешностью пошёл в маму: светлые во-

лосы, на закате казавшиеся рыжеватыми, как листья клёна поздней осенью, светлые голубые глаза. Даже родинка на локте левой руки у них находилась на одном и том же месте. Он скакал вокруг меня, как воробей вокруг дракона, и всё никак не мог попасть по ноге, хотя очень старался.

— Я видел, как ты смотришь на принцесс из свитков, златоглазка! Это не тренировка. Это ты воображаешь, как защищаешь даму сердца!

— Замолчи и подними щит. Или я сам натяну его тебе на голову.

Сидевший под стеллажом с оружием Зóриан громко засмеялся над словами старшего брата и тут же затих под пронзительным взглядом учителя.

— Вы бы лучше занялись своей растяжкой, мой принц. Сначала выходите на бой неподготовленным, а потом сидите всю тренировку побитый, потому что не можете вовремя развернуться. Что будете делать в бою с тем, кому всё равно, кто перед ним?

— Больше не повторится, обещаю, — тихо, но убедительно произнёс четвёртый наследник трона драконьего королевства.

Драксáрий, мой третий младший брат, которому тогда было всего четыре года, сидел на краю арены, держа щит почти вдвое больше себя и отчаянно стараясь казаться серьёзным.

— Я уже выучил удар в пах, Драз!

— Сначала выучи, где этот пах находится. Потом бей, —

буркнул Дразегиас.

На его лице промелькнула едва заметная ухмылка. Она появлялась почти каждый раз, когда на арену выходил младший наследник — точная копия меня в детстве. Только глаза отличались: у брата они были карие, более тёмного, карамельного оттенка, как у отца.

Я вздохнул, смахивая пот. Где-то в глубине груди уже тогда жила странная тревога, словно ветер знал что-то, чего не знали мы. Я вновь поднял меч, и Дразегиас подошёл ближе, внимательно посмотрел мне в глаза и произнёс то, что говорил уже неоднократно всем своим подопечным:

— Ты всегда будешь держать удар первым. И последним. Это — твоя судьба.

— А если я не хочу судьбу?

— Тогда судьба выберет тебя сама. И удар будет не по щиту, а по сердцу.

Тень от стены арены легла сначала на песок, затем на мою ладонь. Она была в форме пятиконечной звезды — маленькая, но значимая не только для меня, но и для всего королевства, а то и мира.

— Ты не возьмёшь этот меч, Аурелия, ты слишком мала, — строго сказала Сирена.

Королева наблюдала за поединком сыновей со сложенными на груди руками. Последнее время она повторяла это всё чаще. На её шёлковом платье цвета ночного океана колыхались тончайшие цветы, вышитые в форме водных завитков.

— Я не прошу взять, я прошу разрешения сражаться!

Волосы принцессы, густые и чёрные, как у отца, были собраны в аккуратный пучок; голубые глаза сияли решимостью, а поза была точь-в-точь как у нас, когда мы просили отца взять нас на утреннюю охоту.

— Принцессы не обязаны уметь сражаться.

— А принцы обязаны? Тогда я хочу быть принцем!

— Мы зашли далеко

— Пусть попробует. Я всё равно снова победил. — Я подкинул меч и поймал его так легко, словно тот ничего не весил. — И если смотреть здраво, сестрёнка уже выиграла этот спор.

И вот мы на арене. Поначалу я смеялся: первые два обмена ударами были мягкими, тренировочными. Но уже на третьем сестра, одетая в непышное платье алого цвета, резко сменила хват, увернулась и поставила подножку — в точности так, как меня самого учил Драз в последние недели. Через секунду я уже лежал на спине в пыли с выражением полного, восхищённого шока.

— Вода, брат, всегда находит трещину в скале.

— А ты — трещина в моём достоинстве.

Увидев столь быструю победу дочери, Сирена произнесла:

— Так уж и быть. Если моя дочь будет держать меч — пусть держит его лучше собственных братьев.

Вечером того же дня, после непродолжительного отдыха в своих покоях, я направился к пруду в западном саду, куда

обычно приходил только один человек — я сам. Мне нравилось молчание воды; я считал, что там живёт ответ, на который я ещё не знал вопроса.

Пройдя дальше, я заметил девушку в синих одеждах, сидевшую у пруда. Она не смотрела на меня — просто чертила круги по глади воды. Её волосы были длинными и серебрились, будто сотканы из самого водопада. Она казалась вечной.

— Обычно здесь бываю только я.

— А ты — король?

— Нет. Пока.

— Тогда мы оба здесь на равных. Пока.

Я подошёл ближе, дабы рассмотреть ту, что не должна была оказаться в этой части сада Или всё же должна была?

— Кто вы?

— Кто-то, кто однажды скажет тебе, когда вода начнёт кипеть.

— Вода не кипит без причины.

— А иногда — просто потому, что кто-то перестал быть ребёнком.

Она медленно поднялась. Вода стекала по подолу её платья, не оставляя следов на траве. Я нахмурился.

— Что вы делаете?

Но девушка лишь улыбнулась — тихо, почти ласково — и шагнула в озеро. Вода сомкнулась вокруг её щиколоток, затем талии. Она не обернулась, погрузилась глубже, до плеч,



до подбородка. Ещё мгновение — и поверхность стала гладкой. Я бросился следом, с разбегу вошёл в воду, ожидая погрузиться с головой, но озеро встретило меня лишь привычной прохладой по пояс. С того вечера я видел её во снах, и все, у кого я спрашивал про неё, молчали.

*«Когда ты позволишь себе чувствовать не долг, а голос?»*

\* \* \*

*Королевство Флоретия. Город Лиэстэрия. Дворец Альмерин. 393 год после первого вызова печати. Воспоминание Амелии.*

Сады пылали всеми оттенками весны: алые пионы, золотые лилии, облака нежной глицинии. В центре мраморного дворика, под сенью розовых кистей, у каменной чаши с лепестками сидели две сестры. Обе мы были в платьях, подобранных мамой ещё вчера вечером: она прекрасно понимала наше нежелание рано вставать и выбирать наряд. Будь наша воля — мы бы так и вышли в ночных сорочках или вообще не вставали с постелей до самых сумерек.

— Я всё равно думаю, что у тебя будет корона красивее,  
— бурчала Хризалия, которой на тот момент было всего десять лет, вытаскивая из волос очередную булавку.

— Ты только что обвинила мою голову в высокомерии?

— Нет. Я обвинила твою причёску в восстании!

Мы часто спорили — так дети солнца спорят с облаками: всегда ярко, но никогда всерьёз. Из глубины сада вышли две статные фигуры — король и королева. Мама в длинном пла-

тые цвета астильбы грациозно держала в руках небольшой букет, собранный нами. И папа — высокий мужчина, одетый в зелёный костюм с золотой вышивкой в виде виноградной лозы. Он нёс в руках маленькую корзинку с фруктами и выглядел не как правитель, а как папа — простой и любимый.

— Мои королевы, сегодня вы свободны от уроков, если сможете отгадать загадку.

— О нет... Опять загадки про деревья.

— Я — то, что исчезает, если ты пытаешься меня удержать, но остаётся, если позволяешь мне идти. Что я?

— Время, — тихо ответила я.

— Верно.

— Тогда почему мы всегда хотим его замедлить? — прошептала мама, садясь между мной и Хри.

Хризалия подняла голову и вдруг сказала со всей серьёзностью — так, как она говорила со знатными леди, показывая, у кого больше власти:

— Я не хочу быть взрослой, если это значит забыть, как мы пахнем цветами и как смеёмся в этом саду.

— Тогда давай пообещаем: мы будем помнить. Даже когда станем королевами. Даже когда мир станет другим.

Мама смотрела на нас, и в её глазах жила тревога, которую мы, будучи детьми, ещё не замечали. Она знала: цветы расцветают лишь для того, чтобы однажды быть сорванными. Но в тот день она молчала, потому что это был наш день.

Позже весенняя ночь накрыла Флоретию нежным покры-

валом росы. Звёзды таяли в небе, цветы закрывались в сладкой дрёме, и даже стрекозы затаились. Во дворце давно уснули слуги, сестра, родители, но я уснуть не могла. Тихо прошмыгнув мимо Сифоса, босиком, я выбежала в сад. Платье цеплялось за ветви, волосы липли к щекам. Добравшись до небольшого озера — зеркального и всё ещё тёплого от дневного солнца, — я присела у воды и прошептала:

— Я не хочу быть такой, как хотят другие. Я не понимаю, кто я.

И тогда в отражении появилась девушка. Плавная, прозрачная, с длинными водянистыми волосами, в одеждах цвета лунной пены. Она стояла так, будто всегда была там и просто ждала, когда я её увижу.

— Ты слишком рано смотришь на мир глазами королевы.

— Я должна. Иначе они будут разочарованы.

Незнакомка присела рядом. Я почувствовала от неё запах летнего дождя и лёгкий аромат лилий, растущих на противоположной стороне сада.

— Когда ты позволишь себе чувствовать не страх за корону, а любовь, которая не ищет одобрения?

— Но, если я перестану быть такой, как они ждут, меня не будут любить.

— Те, кто требует, чтобы ты молчала, — не те, кто умеют любить.

Я смотрела на воду, отражение дрожало, но впервые я чувствовала, что моя душа не пуста. Там была глубина. Там бы-

ла она. И, может быть, кто-то ещё. Перед тем как исчезнуть, девушка наклонилась и едва слышно сказала:

*«Вода не боится принимать любую форму, она всегда остаётся собой.»*

Через секунду я проснулась в своей спальне под одеялом. Волосы были заплетены в длинную косу, а на щеке осталась серебряная капля, светящаяся, как луна, — маленькое напоминание про прекрасную незнакомку.

## Глава 3. Зов крови

*«Твоя кровь — не враг.*

*В ней хранится песня забытого рода.*

*Но берегись: если ты не различишь её музыку —  
она утопит тебя, словно река без имени».*

*— Сия, Драконница Воды*

*Королевство Драугон. Город Валаррад. Дворец ДарКсар.*

*400 год после первого вызова печати. Тэреон.*

Не успев обернуться полностью, я заметил высокую женщину с теплой золотистой кожей, которая придавала ей неземной вид. Лицо её — острое, с высокими скулами и узкой челюстью — выглядело очень уставшим, будто она не спала много дней. Снежно-белые глаза контрастировали с яркими красными губами, а длинные темные волосы ниспадали до пола.

На ней было элегантное строгое белое платье с наплечниками в виде драконьей чешуи. На руках виднелись древние символы, светящиеся золотыми нитями.

— Темйда, — медленно выдыхая, прошептал я. Голос мой звучал раздражённо, но противоречить ей я не мог. — Простите, но у меня срочные дела.

— Они теперь менее срочны, чем воля вашего отца. Король Эдгар велел найти вас. Ваше присутствие требуется на Совете.

— Отец не упоминал об этом утром.

— Письмо от посла Вантoнии пришло всего час назад. Его Величество настоял на немедленном обсуждении.

Я задержал взгляд на её лице. Конечно, я мог пойти, но тогда оставил бы за спиной то, что звало меня. Тяжело вздохнув, я коротко бросил:

— Ведите.

Зал Совета ДарКсар был дышащим сердцем древнего королевства, встречающим торжественной прохладой и ароматом влажной зелени. Высокие колонны мрамора поддерживали свод, украшенный лепниной с героями и драконами, оживающей в лучах света из огромных витражей. В центре возвышался массивный стол из оникса, инкрустированный символами власти. Вокруг него были расставлены резные кресла, каждое — с гербом, олицетворяющим мудрость, силу, истину и память. Этот зал — храм истории, где каждое слово становилось частью великой симфонии ДарКсара.

Король Эдгар восседал на троне, словно воплощённое величие древнего рода. У круглого стола уже собрались мастера монет и меча, а в дальней части сидела эльфийка.

— *Что же тебя так часто начали тревожить, Аэлия?*— подумал я, входя в высокие тяжёлые двери и быстро отводя от Хронистки взгляд.

Темида села, сделав мне приглашающий жест, будто я в нём нуждался.

— Рад, что ты с нами, — коротко бросил отец. — Садись.

— Что за срочность?

— Мы получили закодированное письмо из Вантонии. Один из магистров академии сообщил: в регионе, граничащем с Флоретией, зафиксировано пробуждение древнего источника силы. И возможное появление символов, которые совпадают с текстами Хроник о Четырёх Печатах, — тихо, но чётко сказала Аэлия.

— Вы хотите сказать, что...

— Что, возможно, проснулась одна из Печатей, — закончила Феодора, Мастер монет. — И согласно сводам закона и предсказаний, её активация требует присутствия наследника на троне. Тебя.

Онтан стукнул кулаком по столу. Суровый мужчина, прошедший не один бой: светло-бронзовая кожа, тёмно-коричневые волосы до плеч, зачёсанные назад, и хищные зелёные глаза.

— Нам не по себе от того, что Вантония передаёт такие вести. Это не их стиль.

— Ваше Величество, вы должны принять решение. Необходимо потребовать доказательств от Вантонии. Мы также уже послали советника Синона, Лилию и Фирграэроза во Флоретию с письмом королю Джареду, — проговорила Темида, поднимая взгляд на короля.

— Под каким предлогом? — спросил я.

— Торгово-дипломатическая миссия. Мы не озвучим им истинных причин. Но Хроники не лгут. Путь должен быть

открыт и, если правда скрыта там — ты найдёшь её там.

— Окончательное мнение Совета? — спросил спокойным голосом король, обводя взглядом всех собравшихся.

— Если Печать активна, нам нужно защищать свою границу и казну. Я за то, чтобы принц Тэреон остался, — громко заявила Феодора, ожидая поддержки.

— Но если Печать действительно открывается вблизи Флоретии, возможно, это и есть судьба Тэреона. Нужно, чтобы он поехал, — почёсывая лёгкую щетину, проговорил Онтан.

— Судьбы склоняются не к словам, а к действиям. Принц должен сделать выбор сам. Но в Хрониках сказано, что путь откроется только тому, кто не откажется от сердца ради короны, — наконец подала голос Аэлия, всё это время записывавшая разговор.

В зале повисла тишина. Отец посмотрел на меня и в его взгляде читался интерес.

— Что скажешь, Тэреон?

— Я чувствую, что должен быть там. Это не только интуиция, метка на моей руке пульсирует всё сильнее. Если Печать пробуждается — она ведёт меня туда.

Темида вздохнула; Феодора промолчала, а Аэлия слегка улыбнулась. Отец медленно встал и подошёл ко мне.

— Тогда ступай. Отправимся через неделю. Но знай: с этого момента ты отвечаешь не только за себя, но и за весь Драугон.



— Да, отец.

— Аэлия, поезжай во Флоретию вслед за советниками. Твой конь уже готов.

Когда я вышел из Зала Совета, мои шаги уже не звучали так уверенно. Решение было принято, путь во Флоретию звал меня. И в коридоре меня тоже уже ждали.

Зориан стоял, опираясь на перила лестницы и задумчиво вертя в руках шахматную фигуру.

— Я просчитал всё: шанс того, что нас задержат хотя бы на день, ниже двух процентов, — тихо сказал он, не глядя на меня. — Не люблю ошибаться.

— Все уже в курсе? Не всё можно просчитать, Зори, особенно то, что касается судьбы. Или хотя бы поездки на бал в королевство, в котором мы не были почти двадцать лет.

— Надеюсь, ты прав. И всё же точно ли мне нужно ехать? Я знаю, что ищешь там ты, но для чего ехать мне?

— «Приказ отца». Попроси Луану собрать твои вещи, она, в отличие от тебя, разбирается в мужской моде.

— Я и сам мог бы, — усмехнулся светловолосый парень.

Не успел я и шагнуть к лестнице, ведущей на этаж наследников и личной стражи, как в меня с разбега влетела Аурелия, обняв за талию.

— Мы едем на бал! Все вместе! Я смогу наконец-то примерить новое платье! Я уже месяц не могла придумать, куда в нём пойти!

— Я знаю, но тебе придётся ждать ещё неделю.

— Я ждала поединка с тобой месяц, брат, недельку я точно выдержу! Кстати, ты не видел случайно Эву? Со вчерашнего вечера не могу её найти.

Я засмеялся, поцеловал её в лоб.

— Не видел, сестрёнка. Спроси Луану или Кíру, они вроде подруги. Но, пожалуйста, присмотри за Зорианом — представляю, что он может взять с собой.

— Обещаю, — прошептала Аурелия.

— А если я не хочу на бал? — отозвался Драксарий, стоявший чуть поодаль.

— Почему это?

— Дорога. Я не хочу долго ехать в карете. Ты-то можешь поехать на Вороне, а мне ещё два года ждать! Я знаю, ты думаешь, что я ещё ребёнок. Но если ты поговоришь с отцом и мамой, чтобы они позволили мне выбрать собственного коня сейчас, я буду очень благодарен.

— Дракс, бери пример с нашей сестры. Она терпелива и может научить терпению тебя.

— Я мог бы отправиться на Краэлóге — Но он не успел договорить: я лишь приподнял бровь. Этого оказалось достаточно, чтобы он понял, насколько эта идея плоха. — Ладно, понял. Тогда в конце пути я всё равно поеду рядом с тобой, чтобы все видели. Если Ворон, конечно, не будет против.

— Конечно не будет. И ты даже сможешь подержать поводья.

Через пару минут, когда младшие наследники разбрелись

по своим комнатам, я выпрямился, приняв осанку, подобающую будущему королю, и направился к конюшням, где меня уже ждали.

Имя «Ворон» жеребец носил не зря: угольно-черный, без единого светлого пятнышка, он казался воплощением самой тёмной бездны. Его шерсть сверкала, как полированная броня, а в умных темно-серых глазах читалась воля, равная его хозяину. Говорили, что его предки неизвестны, но позже удалось выяснить, что они принадлежали к конной гвардии древних Драконьих лордов. Казалось, в его венах течёт кровь самих стихий: Ворон мог мчаться по скалам, сквозь туман и ливень, и ни разу не оступиться.

Его сбрую украшало серебро дома Вальтарис и амулет из чешуи дракона — подарок Мора. Когда этот конь врывался на площадь, казалось, сама тень следует за ним по пятам.

Во внутреннем дворе, вдали от суеты, я коснулся его шеи, чувствуя под кожей биение сердца, в котором, казалось, мощь первых четырёх.

— Через неделю мы отправимся во Флоретию. Там нас ждут бал, советы, пафосные речи и, может, ты, наконец, перестанешь быть угрюмым одиночкой и найдёшь себе пару. Хотя, зная тебя, тебе никто не подходит, верно?

Я усмехнулся и, не оборачиваясь, потянулся за морковью из корзины, стоящей у стены. Внезапно резко замер и с силой метнул её за спину — прямо в тень под аркой.

— Ауч! — раздалось весёлое восклицание. — Ну, здрав-

ствуи, Ваше Высочество. Вы всё такой же ласковый.

Из-за колонны вышел высокий, молодой мужчина. Огненные пряди в волосах и золотистая кожа выдавали в нём странника.

— Тарен, мог бы подать голос, прежде чем подкрадываться. А не шпионить, как придворная дама.

— Я хотел посмотреть, как ты с ним разговариваешь. Кажется, ты больше доверяешь ему, чем людям.

— Он хотя бы не лжёт. Рад тебя видеть, брат.

— И я. Жаль, я тут ненадолго. Уезжаю.

— Куда на этот раз?

— На запад, через Перевал Пепельных Крыльев. Мия ждёт, да и отцу нужен отчёт о границах. Ты бы её видел — северная луна с характером южной бури. Тенмара ей под стать, кстати.

— Тенмара, она, кажется, могла бы утихомирить даже Ворона.

— Если не она, то никто. Но вот что, брат

— У меня было видение как вспышка света, как предчувствие: тебя ждёт нечто судьбоносное. Очень скоро. И это будет не меч и не корона. Видение было непривычно расплывчато, поэтому будь осторожен.

Я взглянул на него пристально, немного сузив глаза.

— Тогда пусть судьба не опоздает.

Тарен улыбнулся, поправил поводья и вскочил на свою гнедую кобылу с седлом, украшенным узором птичьих кры-

льев. Тенмара тихо фыркнула, будто понимала, что разговор окончен. Друг махнул на прощание и ускакал прочь, растворяясь в пыли и солнечных бликах у ворот.

— Судьба, говоришь Посмотрим.

Во дворе повисла спокойная тишина. Только шум листьев и отдалённое ржание других лошадей напоминали о жизни за пределами нашего маленького уединённого мира. Я всё ещё смотрел на дорогу, когда вдруг почувствовал лёгкий, но точный удар по бедру. Вздвогнув, я обернулся. Ворон стоял, чуть отведя голову, и с ленивой уверенностью щёлкнул хвостом ещё раз, будто говоря:

— *Прекрати витать в облаках, человек. Я тут вообще-то тоже есть.*

— А ты что? Ревнуешь?

Жеребец фыркнул и кивнул в сторону валявшейся у стены моркови. Его взгляд был настолько выразительным, что я не удержался от смеха.

— Да-да, прости, твоя порция внимания. Вот, держи. За терпение и за драматичность.

Пока конь с довольным хрустом пережёвывал угощение, я задумчиво наклонился к его уху:

— Грозу ты отверг, остальных тоже не удостоил даже взглядом. Неужели ни одна кобыла в королевстве не достойна чести скакать рядом с тобой? Ну, что скажешь о Тенмаре? Хорошенькая, правда? Характер тоже что надо. С такой ты бы не скучал. Говорят, она может одним взглядом заставить

дракона послушно пасть рядом.

Ворон не отреагировал, продолжая жевать, но чуть приподнял голову, будто прислушиваясь.

— Да-да, знаю. Ты слишком горд, чтобы признаваться. Но представь, как бы вы смотрелись. Ты — воплощение тьмы и силы, она — светлая стремительная грация. Истинная пара из баллады. Если судьба и для тебя что-то приготовила, может, это она?

Конь тихо фыркнул, словно в знак сомнения, и снова ударил хвостом, но уже легко, мягко — почти как насмешка. Я усмехнулся и провёл ладонью по его шее.

— Ладно, понял. Не будем торопить. У тебя свои тайны, у меня — свои. Но запомни, Ворон: иногда судьба приходит не только в обличье пророчеств. Иногда — в виде хрустящего шага рядом.

# Гла

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.